Николай КУЗНЕЦОВ

ПРОСТО ЖИЗНЬ

Рассказ

В середине декабря, наконец, забелело. Снег пошел как-то вечером, падал с перерывами всю ночь и почти весь следующий день. Колющей ватой он плыл в подставленные ладони, сантиметр за сантиметром укутывал землю. Горящие вдоль улиц фонари набрасывали на царственное ложе желтоватые и бесцветные газовые покрывала с вытканной сумятицей теней… Потом ударил настоящий мороз. Дороги превратились в ад для водителей, весь остальной город — в рай для хохочущей мелюзги.

По прозрачному парку громогласно галопирует молодой доберман в стеганом жилете. Ловко уворачиваясь от сгрудившихся сонных стволов и смеющейся румяной хозяйки, он хватает крепкий, как моченое яблоко из бочонка, воздух клыкастой, пышущей пастью, жизнелюбиво дует в обе ноздри; а на маленьком толкучем рынке недалеко, возле хиреющего гастронома, правит и владычествует кот. Густо-пушистый серый котище привидением перемещается между железными стойками прилавков и сапогами-ботинками расхаживающих покупателей, собирает дань и с мясников, и с рыбников, да и у молочников, скорее всего, кое-что прихватывает. Вот, отобедав, он вдруг заскочил нахально на освобожденный замерзшим торговцем табурет, желтоглазый, усатый, щекастый, сам толстый и с роскошным толстым хвостом в мягких черных кольцах и с черным колонковым кончиком. Устраивается поудобнее на плоской подушке, прижимает собой вздумавшее, было, улетучиться насиженное тепло, укладывает вдоль тела свою гордость и начинает бдеть. Однако ничего, представляющего угрозу, вокруг нет: ни заплутавших соплеменников, ни шальных дворняг и — чутко поводит траченными в победных схватках ушами, бесстрастно и долго созерцает путающегося под ногами голубя. Пестрый голубок — азартный, глупый — семенит озябшими розовыми лапками по утоптанному снегу, гонит клювиком гранатовое зерно, играет и никак не может у самого себя выиграть: проглотить, наконец, сочную бусину.

А кругом — топчутся и переходят от горок ядер-апельсинов к батареям пачек со стиральным порошком, от американских сигарет к домашней сметане, от парной свинины к вчерашней говядине, от мелкопробного серебра хамсы к слипшимся финикам, от редьки к меду, от шила к мылу — люди. Трамбует подошвами, прячет иноземное личико в мохнатый шарф, а задубевшие кисти в рукава полушубка — маленький абхазец, хозяин занятого Хозяином табурета. Он торгует мандаринами. Пламенные тыковки, они уложены египетской пирамидой на столе, на вершине — сладко распавшийся лотос из очищенных долек: «Пробуй, дарагой!» Абхазцу не до кота.

Очень холодно, и торговля идет худо. В юношеской лыжной шапочке, с равнодушно выпущенной седой щетиной на скулах, коммерсант явно скорбит в мыслях о добром застое.

Возле рынка, на пятачке между едва теплящейся будкой обувщика и двумя вымерзшими ларьками-банкротами, раскинулся и новогодний базарчик. Елки… — палки! Один метр на палке: жирная риска химическим карандашом на струганном волокне — пять гривен. Елочки настоящие — упругие, молоденькие, с ладным зеленым бобриком иголок, лежат на снегу колючей беспорядочной кучей, подпирают стену гастронома. Не то, что наши таврские сосны; те хоть и смолистые, хоть и пахучие, но не изящные, хоть из детства, но не из бессмертной песенки. Тут же тетушки, похожие на главного бухгалтера треста и просто бухгалтера, вооружают мальчишек хлопушками, петардами, ракетами, продают свернутый в пакетиках «дождь» и коробки с бенгальскими огнями. И ясный полуденный глаз смотрит на все это, смотрит на другие улицы и скверы, на весь город, на забыто сверкающие поля вокруг, на затерянную сухую чернь лесополос между ними. Он все видит и все привечает, радостный синий и золотой глаз под долгой перистой бровью королевича. Только белой…

В предпоследнем номере еженедельной газеты, в рубрике «Знакомства»: «Если ты один на 10000 — романтичный, интеллигентный, понимающий, уравновешенный, образованный, привлекательный, в меру обеспеченный, то очаровательная блондинка, 31/165/55, с милым личиком, чувственными губками и стройной фигурой мечтает о встрече с тобой. Была замужем, имею чудного сынишку. Высшее образование. Любимая работа. Своя квартира. 95000, Симферополь, Почтамт, а/я 26/1, Центр знакомств «Эвита», аб.4». Назавтра купон с объявлениями лежал под осевшей стеной в одном старом дворе. На занесенных и разъезженных его просторах хватало места всем: и человеку, и автомобилям, и деревьям; двери пяти фирм и одной редакции открывались на его арену. Целый день здесь мешались люди и машины, прибывали, убывали. Первозданная чистота покровов давно была осквернена чужеродностью резины колес и обуви. В мусорном контейнере догорали вороха бумаги. Валил щиплющий глаза и ноздри дым, и снег, и без того несвежий, принимал на себя еще и погребальное колыханье пепла.

Купон лежал обок ровика тропинки, рука проходящего в шерстяной солдатской перчатке с ловкостью вольтижировщика зачерпнула его вместе с рыхлой горстью кристаллов, останками премированных собратьев и кленовым семенем-крылаткой. Молодой человек на ходу отряхнул купон от скверны, прочитал, мимолетного любопытства ради, текст. Левая часть лоскута была перечеркнута скорой красной линией-извивом, под заголовком «Ваши данные для редакции (в газете не публикуются)», в ней значилось: Болтушевская Елена Викт., Симферополь, ул. Привокзальная, д.8 кв.11. «... Еленою звалась зима, и Марфою, и Катериной, и я порою зимней длинной влюблялся и сходил с ума...». Парень вздохнул полной грудью. Перчатка одним движением смяла купон, отпустила его на волю. Носитель ее все

маршировал дальше, к выходу со двора. Сюда он приходил поискать работы, заглянул в каждую фирму, но везде ему вежливо ответствовали «нет». Но разве в двадцать лет расстраиваются из-за таких неудач? «Разве город заканчивается этим двором и этими шарагами? Нет и еще тысячу раз нет! Да и могут ли эти неприятности, Севка, сравниться с лишениями, которые испытаны всего год, всего каких-то полгода назад?!» Он уже поворачивал на улицу. «Подбородок выше, спина прямая, плечи развернуты, отмашка, отмашка кулаком! Раз-раз-раз-два-три…» Косились встречные прохожие, чирикающие пичуги с замерзшими носиками на минуту умолкли и оглядели заинтересованно.

А Всеволод шагал и шагал по улице, и сознание того, какое огромное дело завершено недавно, вновь наполняло его ликованием, уже который раз за минувший после увольнения в запас месяц. Вот только жаль, что материального от этого дела осталось всего ничего: строевая выправка, военный билет с размытыми штампами, шерстяные темно-серые перчатки да кожаный ремень с дембельской сверкающей бляхой. Ремень тайно вдет сейчас в джинсы, под свитером — простительная ностальгическая слабость. Он так напомнил снова обо всем, жестким ребром врезавшись в тело, когда нагибался за бумажкой. Так напомнил...

В газете, в рубрике «Знакомства»: «Мое богатство — это знания, самая лучшая профессия. Моя радость — это семилетний сынок. Мое счастье — это ты! Отзовись, интеллигентный, умный, порядочный! Верю, что ты есть, любимый, верю: мы встретимся! Мне 32 года, рост 165 см, хороша собой, интересна в общении, терпима к чужим недостаткам, кроме пьянства. 95000, Симферополь, почтамт, а/я 26/1, Центр знакомств «Эвита», аб.4»…

Уже март несся вдоль солнечной улицы первым пыльным вихром. Ветром летел мимо сверкнувшего и продребезжавшего от тычка оконного стекла, хватался из озорства за полы плащей и пальто, катил и обгонял сорванную с запущенной головы обтерханную шляпчонку. Что есть силы будил скрипучую старую вишню и что есть силы смывал исхудавших за зиму пчел с отцветающего миндаля, горького и святого, — в палисаднике у пятиэтажного дома с винным погребком, на Херсонской. В приусадебных садах мазали известью стволы: густо, на совесть. Пружинистые ножи на копейных древках ссекали ветки с паутинными комками — гнездами плодожорок. Потом спящая нечисть обливалась соляркой и наскоро казнилась. Едва ветер утих, как кое-где зашипел опрыскиватель. Снова целебно и противно потянуло табачным карболинеумом.

В Гагаринском, на алее Победы, эхом зимней кампании грохнула под ногами петарда. Ойкнула бабушка в каракулевом пальто, схватилась за сердце, едва добрела до скамьи, привалилась к спинке. Маленькие старички-бомжата с испитыми лицами мчались стайкой вглубь парка; хлябали рваные кроссовки на голых пятках. Вслед им раздувал в свисте пузо патрульный сержант; его напарник, тоже ленивый, грозил карманным саперам дубинкой. А под голубой елью, на сухой хвое последним напоминанием о

рождестве колотилась с треском, билась в припадочном алом безумии импортная шутиха…

Перед самыми праздниками Севке стало совсем невмоготу. Ранним утром на последние мятые гривны купил троллейбусный квиток до Алушты, две «колы» и пару хот-догов с лезущей морковной строганиной, сложил все в пустую кожаную сумку — подарок сестры в честь возвращения из армии. Сумка приятно потяжелела. Вспомнил, не к месту, как смеялся, целуя смущенную сестру: «Ты что, с ходу в люди хочешь меня отправить? Даже отожраться не дашь?» Денег осталось только на обратный билет да на мороженое самому себе. О приятностях мегафонного Первомая можно было забыть окончательно.

В Алуште вдоль и поперек исходил весь центр, долго сидел на террасе парка у набережной. Город уже расцвел и даже слегка засмуглел, как татарская красавица. На набережной потихоньку работали двое художников: шаржист и портретист. Маленький шаржист споро писал свои карикатуры — отражения в зеркале троллей, и грифель мелькал в его левой руке. Вот-вот должен был начаться сезон.

Всеволод сосредоточенно вспоминал точно такой же день, только в начале мая, почти три года назад. Тогда с изменницей-Маринкой основательно прочесали город, кроме Рабочего Уголка, к вечеру же внезапно, на спор, с визгом и уханьем оба залезли в холодное море — и даже не чихнули. Он сидел на скамейке, на которой они так долго целовались в тот день и напрягал изо всех сил сердце. Пытался хоть на вершок, хоть на дюйм приподнять над облачными вязкими полями памяти ту огромную, величиной в целый мир вокруг, радость. Радость, жившую во всем: в небе, в нежарком солнце, в каждой расстилающейся под ногами волне, во всякой обкатанной бутылочной стекляшке, в любом комке водорослей, свитом из йода и соли. Тогда он плавал в ней, бескрайней — и в то же время вся она целиком была разделена поровну между ним и подругой, принадлежала только им — и никому больше. Сейчас же проплывали одни картинки, разноцветно-равнодушные, красочные, очень точные — как фото, но ощущения счастья от них не было. Слишком многое, оказывается, произошло за тридцать шесть месяцев. От недавнего прошлого остался один ребристый, обдутый временем скелет; горячего тока крови, вздрагивающей красоты не осталось и в помине. «Слезы. Слезами уходящее море со сжавшейся Маринкиной спины, в мурашках, летающая рыжая кисть полотенца... махрового…Крик того мальчонки возле песочного кургана: «Мама! Мама!» Крик вслед... Нет, не получается...».

Перед отъездом, в три часа, сошел все-таки на пляж. Над ним уже бакланом витала праздность: тут и там виднелись загорающие — пока немного. Севка облюбовал место возле вытянутой белизны двух дремлющих девчонок в бикини, уселся, расстегнул и вытащил из-за пояса рубашку. Ни дать, ни взять командированный из Сыктывкара, еще не верящий своей случайной удаче. Кто скажет, что последние полжизни севернее Чернигова не был? Достал из сумки съестное, оставались еще бутерброд и полбутылки газировки, заткнутой пробкой из газеты. Долго ел, глядя вдаль и слушая

море. «Интересно, почему на пляжах, на жаре не пропадает аппетит?..» Жевал, будто хотел растянуть время, «кола» на язык липла воробьиными глотками. «Придется все-таки истратить последнюю свободную гривну: из-за острой морковки разгорается в животе, а вода в бюветах здесь отвратительная, сплошные сульфаты с бикарбонатами». Поглядывал на резкие лопатки бледнотелых купальщиц, каких-то долгих и невесомых, как присевшие стрекозы. Наконец, не выдержал, спросил участливо, не без затаившегося сердца:

— Девушки, а вы не обгорите?

Та, что лежала лицом к нему, сонно приподняла шторки век, долго-долго осмысляла прозвучавшую гамму. Ее бортовой компьютер неторопливо и уверенно разбивал полученную информацию на составляющие, терпеливо комбинировал их так и сяк, перебирал возможные варианты ответа, в то время как глазок видеокамеры изучал источник звукового загрязнения среды: его брошенную плоскую сумку, истертые джинсы и немодные туфли, рубашку с карманчиками. Когда он собирался повторить свой вопрос, блок управления процессами самого современного дизайна чуть-чуть оторвался от песка. Услышалось:

— Ми неэ знакъомимся на пльаше.

«Ах ты, чухонка недожаренная! Ей добра желают, а она деньги в моем кошельке считает. Понаехало сюда всякой чуди заволочской: «Ми, ми!»..». Будто своих шлюх не хватает!» И пустая бутылка из-под «кока-колы», кувыркаясь, с хулиганской мстительной силой полетела в море. Кончена прогулка. Пора вставать навстречу пустому троллейбусу.

И в тот же день снова в «Знакомствах: «Занята работой, ребенком и собой. Необходим мужчина, который бы занялся собой, домом и мной (иногда). Как видишь, я хочу совсем немного! О себе: интересна, молода, «огонь—воздух», ребенок, жилье, работа, среднего достатка. 95000, Симферополь, почтамт, а/я 26/1, Центр знакомств «Эвита», аб.4». В той же газете, в «Обращениях», вскоре: «Сергей! Получаю от тебя записки с цветами, но не понимаю, почему бы нам не поговорить. Пиши: до востребования, почтамт, Болтушевской Елене».

…А цветов действительно было много. Двадцать четвертое мая, последний звонок — не просто так… Цветов охапки, снопы, море цветов на весь город! Накануне начинается осада специализированных базарчиков: у Центрального универмага, под ивами, в горбатом и гостеприимно озаренном переходе под площадью Советской, в прямом, еще пахнущем хлоркой туннеле у площади Ленина, на Куйбышевском рынке, полном делячества, на далеко отлетевшем Московском кольце — где-то там, на самом краю ойкумены. Берут всевозможных тонов розы в праздничной бумаге и лентах, звезды гербер, несбыточной прелести каллы. У предместных магазинов и лавок дебелые хозяйки в трико и тапочках бойко раздают за полтинники пышные багряные пионы и снежные гроздья бульдонежа из эмалированных ведер и жестяных банок из-под халвы. И весна, и вся ботаническая знать вместе с только-только распустившимся жасмином вздыхают и грустят по

недавно отошедшей сирени, тоскуют смутно по ее лиловому, чарующе и властно плывущему после грозы аромату над упокоившейся вечерней землей, как тоскуют по только что помахавшей рукой молодости...

В еженедельнике, в рубрике «Обращения»: «Роман С., должна тебе деньги. Ищу работу, чтобы отдать. Если есть возможность — кафе-бар «Ротманс», суббота, 13.00, Болтушевская Елена». Пять недель спустя, тут же: «Валентин, откликнитесь, необходимо поговорить, если «опель» — ваша машина. Кафе-бар «Ротманс», вторник, четверг, суббота, 13.00. Я — Елена».

…Уже первые ивовые листья тропической снулой рыбешкой поплыли вниз по Салгиру. Милостивей глядело солнце между легко пробежавшими по асфальту августовскими дождями. В который раз она сидела под полосатым тентом за знакомым столиком. Тающий шарик мороженого в вазочке, расхристанная сумочка рядом. Ароматической свечой курится тонкая шоколадная сигарета в пальцах, исчезает распущенным локоном дыма — как исчезает надежда. «Сегодня он тоже не придет. Но и злиться не на кого, на себя разве. Может, он вообще газету не читает и знать не знает, что его ждут? Не догадывается об истраченных на него остатках «Ревлона»...»

Давно пора идти. Но идти особенно некуда. «С Викой встречаемся только в пять. Выйдет что с ее фирмой?.. Домой, к Альке? Зря не отослала его к маме в Феодосию, был бы под присмотром. Бойся теперь, чтоб квартиру не взорвал...» Изящно оббит кончик сигареты о край пепельницы. Скрип пластмассового стула, зачем-то обеспокоенная и тут же оставленная сумочка. «Ноги устали ужасно… Снять бы левую туфлю, ремешок сильно трет, надо пластырем заклеить. Нельзя. Официант все под мой стол посматривает, вон как взглядом поводит. Нельзя. Нельзя выглядеть хуже, чем ты есть. Марка — это теперь главное… Официант увидит, официант осудит. Рубашка белая, галстук–бабочка. Рефери у этих, у боксеров — осудит!.. А ведь милый какой мальчик! Студент, наверное, они теперь все студенты. Виски как подобраны шелково, и глазки инжиром. Сколько им тут платят, интересно?..»

В газете, в «Обращениях»: «Валентин, откликнитесь, пожалуйста! Необходимо поговорить, если «Опель» — Ваша машина. Кафе-бар «Ротманс», все дни недели, кроме понедельника, 13.00. Я — Елена».

Электричество отключили ровно в девятнадцать ноль-ноль. Всеволод едва успел помыться и поесть после вылазки. Мятая алыча так и осталась лежать горкой в раковине. Терн пришлось разбирать при керосиновом свете. Ягоды, фиолетовые со смазанными сизым налетом — отвердевшие брызги заоконных сумерек — усыпали весь стол, всю клеенку. Места осталось лишь для лампы и горклого ее аромата.

В поход его сговорил Виктор, недавний знакомый по бирже, ярый сторонник фитотерапии после самостоятельно залеченной язвы, высохший и крючконосый. С неутомимыми ногами в почтенных секонд-хендовских кроссовках, омоложенных девственными шнурками; с ушами как ветрила на буере. Неделями они носили его по окрестным полям и лугам. Виктор

подрабатывал сбором и продажей лекарственных растений, уверял, что тонко различает запахи и способен унюхать многие травы, как бы укромно ни прятались они в лесу.

— Пошли, — приглашал он, — ведь все равно дома делать нечего. Не понравится — просто прогуляешься. Понравится — в выходные еще сходим. Терна надербаним! Его сейчас полно за водохранкой. Знаешь, какой компот из него вкусный? Делаешь так: чистишь ягоды, моешь, откидываешь на дуршлаг. Потом раскладываешь по банкам. Норма — примерно треть банки. Заливаешь кипящим сиропом, килограмм сахара на литр воды. Закупориваешь, стерилизуешь на слабом огне двадцать минут, достаешь, остужаешь и готово. — Виктор сглотнул. — Зимой ставишь бутыль в холодильник и начинаешь ежедневно пить. Компот сладкий, я всегда кипятком разбавляю наполовину. Пьешь его, пьешь — густой, терпкий, — пьешь, пьешь — и думаешь: когда же ты, зараза, кончишься!» — Витькино лицо внезапно исказилось страдальчески, стропами натянулась шея: мощно сработали слюнные железы.

Всеволод усмехнулся и согласился. Долго бродили по спокойным солнечным холмам за городским водохранилищем, по уставшей за лето пыли дорог. Наконец, сразу за парадным сосновым каре, возле самого карьера наткнулись на заросшую нетронутым терновником пологую балку. По другому ее краю, в начинающемся можжевельнике осыпались несколько высоких алычовых деревьев, редко кустилась японская айва. Спелые ее плоды походили на сморщенные личики восточных гномов и пахли так же — сказкой…

Он все еще сщипывал хвостики и откатывал в сторону червивые, с выступившей сукровицей терновины (одеревяневший от кислоты язык уже не ворочался во рту), когда, наконец, дали ток. Задул лампу, водрузил ее обратно на посудный шкаф, до следующего планового ЧП, опять уселся за свою работу. Севка делал ее бездумно, как многое в последнее время, однако без досады, без раздражения, сознавая несомненную полезность ее для семейного бюджета. Из-за спины, из-за стены доносились булькающие беспокойные звуки: родители смотрели телевизор. Он и сам сейчас охотно повалялся бы на тахте перед экраном, но лишний раз не хотелось мозолить им глаза. И только когда узнаваемо, бодро прострекотала автоматная очередь, подпрыгнул и полетел в гостиную.

Показывали «Нину», старое черно-белое кино про Нину Соснину, подпольщицу с Житомирщины. Фильм подходил к концу. Плотные саксонские, баварские мужики числом до взвода, в шинелях и непременных касках, с бьющимся в руках оружием, наливаясь злобой от неожиданного сопротивления, окружили деревянный дом на отсыревшей улочке районного городка. Из окон дома летели свинец и короткое жесткое пламя: там дорого продавали свою жизнь героиня фильма, ее отец — местный доктор и молодая женщина — хозяйка конспиративной квартиры. Всего лишь крохотный эпизод огромной, необъятной войны.

Перестрелка была снята умело, с предельной достоверностью. Вот

очередь немца прошила занавеску, задула ее. Вот еще, еще. Пули попадают в сервант: грохот, звон, стеклянные осколки. Убито зеркало. Еще «фойер!» — трещат доски потолка, стен, разлетаются черепки горшка с геранью, и черный земляной ком с торчащими усами кореньев подпрыгивает, садится снова на подоконник. Смерть носится по комнате, на улице возле дома. Крестятся бабки-соседки, высыпавшие на звук неожиданного и страшного развлечения.

Уже мертва хозяйка. Лежит под стеной, на боку, уронила голову. Но солдаты по-прежнему не могут подобраться ближе, потому что в светозарных девичьих руках заходится черный шмайссер. Быстро-быстро скользит затвор, пламя ослепительно колет оконный проем, грохот, улетающий пороховой дым, неслышно скачущие по доскам гильзы. Отдача шмайссера значительна, при длинных очередях ствол задирает вверх, и руки, стреляющие с явным напряжением, удерживают такую чужую для них, мужскую игрушку.

Севка знал, как закончится фильм. Немцам надоест перебегать и прятаться за деревьями, надоест рисковать жизнью за сотни километров от фронта ради неизвестно чего. Они подкрадутся со стороны глухой, без окон, стены и подожгут дом. Маленькая деревянная крепость сгорит вместе с непокорным гарнизоном. Сейчас его не это интересовало. Он внимательно следил за талантливо мечущейся актрисой. Тонколикая, стройная, быстрая — ей бы партию примы танцевать или на худой конец блистать в кордебалете какого-нибудь приличного театра. А она носится по экрану, палит, едва не зажмуриваясь, из тяжелого вонючего автомата, улыбается с усталой нежностью отцу, уездному доктору с профилем афинского стратега, бинтующему ее простреленную руку: «Ты так стараешься, словно что-то еще будет...» Все было красиво, трагично, пафосно — и все было не так на самом деле. На самом деле лишь их смелое упрямство было прекрасно. В действительности сам бой был и страшен, и кровав, и нелеп, и грязен, и зловонен, и некрасив. Выше сил человеческих — иметь ангельски одухотворенное лицо за секунды до падения на голову горящих балок потолка…

Сейчас Всеволод остро почувствовал эту неправду (в госпитале на службе видел настоящего тяжелораненого рядового из соседнего полка: разводящий неудачно позабавился в караулке с пистолетом начкара; помнил потусторонние глаза парня), и оттого фильм сразу стал скучным, даже не черно-белым — серым, как запечатленный в нем день. И мгновенным, пока угасшим виновато прозрением впервые блеснуло перед ним, тут же, на пороге гостиной, перед только что выключенным отцом телевизором: «Неужели вся красота этой жизни, этой вольной жизни, которой я так страстно хотел еще год назад, в роте — тоже миф, вранье? Неужели на самом деле нет верной красоты девушки, нет мужественной красоты дружбы, ничего не значит непреодолимое обаяние мечты? Ничего нет без денег… без денег… Всю прелесть мира какой-то глумливый искуситель бросает нам в глаза, чтобы мы сразу не смогли разглядеть его отвратительного рыла, крысиного и златозубого. А он пока позабавится вдосталь над нами, блаженны-

ми, ослепшими дураками, покривляется… Вот кто по-настоящему правит балом. Неужели так?! Неужели?..»

В еженедельнике, в рубрике «Знакомства»: «Бедная симпатичная женщина познакомится с серьезным, порядочным, состоятельным мужчиной для брака. 32/165/55, есть восьмилетний сын. Нищих, безработных, обманщиков, судимых, алкоголиков просьба не беспокоить. 95000, Симферополь, почтамт, а/я 26/1, Центр знакомств «Эвита», аб.4». Объявление появилось в ноябрьский четверг. Быстро шел мокрый снег, оклеивал скаты крыш, валился на сочную грязь, на склизкое папье-маше палых листьев. В ветвистости ильмов встряхивались отсыревшие грачи, молчаливо и попеременно. Сильно прибывало в лужах. На остановке «Телезавод» сосредоточенно шевелящий усами дворников троллейбус-«десятка» с разбегу врезался в холодное озеро цвета сепии. Сгрудившиеся здесь люди кинулись вперед спинами, прочь от хлестнувших мутных струй и так же мутно заворчали на олуха-водителя.

Симферополь.2010.